

Игорь Владимирович Фоменко

Надо что-то среднее, да где ж его взять

Для тех, кто не знает, - это строчка из очень поучительной песенки.

1960-е годы совсем недалеко, хотя исторически это уже другая эпоха. Образовалось какое-то странное зрение: отсюда - туда, как через забор. И трудно понять: таким ли ты был тогда, как тебе кажется сегодня, или это только кажется, что ты был таким. Очень хочется поверить, что таким был не ты, а вообще время. Но все больше убеждаешься, что одно и то же время было для разных людей разным.

Наверное, история - это действительно результат разнонаправленных усилий. Когда-то я с удовольствием читал книгу Н. Перельмана "Занимательная физика". Там была картинка: впряженные в воз лебедь, который рвется в облака, рак, который пятится назад, и щука, тянущая в воду. Возле каждого персонажа стрелка, указывающая вектор направления силы. И популярно доказывалось, что разнонаправленность сил неизбежно приведет к движению воза.

Поэтому дальше - не о 60-х вообще, а о том, какими они были для меня (может быть, это и называется эго-история?) Теперь мне кажется, что я был с теми, кто рвался в облака, а уж кто пятился назад и тянул в воду - решать социологам.

Без всякой хронологии назову факты, которые остались в памяти. Ничего не буду ни проверять, ни комментировать, чтобы не навязывать себе вчерашнему себя сегодняшнего. Попробую лишь структурировать то, что мне кажется определяющим для моих 60-х годов, чтобы понять, куда были направлены усилия мои, куда усилия других, и что из этой круговерти для меня получалось.

Это был глоток свободы

Последний курс института. Сорвали собрание, посвященное выгону Пастернака из Советского Союза, заявив, что воздерживаемся от решения, потому что не читали роман. Вообще-то дело было не в Пастернаке: из всего курса его стихи знал только один человек, для которого в мире существовало два поэта: Б. Пастернак и Ю. Тувим. Приставал ко всем с их стихами, но его, говоря деликатно, не очень внимательно слушали. Дело было в другом: мы уже смутно догадывались, что не хотим быть 'колесиками и винтиками единого общепролетарского механизма', а они посягнули на нашу независимость.

Журнал 'Юность' с графикой Красаускаса на обложке. Номера переходят из рук в руки. Ощущение свежести времени и литературы. 'Звездный билет' В. Аксенова.

В киевском журнале 'Всесвіт' опубликован Кафка по-украински. Еду из Академгородка, где мне дали журнал на два дня. Зима. Холод в автобусе собачий. Уселся, подложив под себя собственные ноги, чтоб не поморозиться. С торжественным вожделием открываю журнал. Действительно - Ф. Кафка. Читаю что-то вроде 'Якийсь молодий хлопець стояв на носі човна...'. Задумчиво закрываю. Главное, что вот он - Кафка, напечатан. Два отведенные дня показываю журнал, кому могу.

Поэтическое трио: А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Рождественский. Говорят, в Москве они

собирают стадионы. Никто этому не удивляется.

Б. Окуджава. Чуть позже - А. Галич. Фамилию 'Окуджава' впервые услышал по радиостанции 'Юность' зимой то ли 59, то ли 60 года в сибирской деревне, где мы работали в школе. Ведущий разъяснял, что в последнее время молодежь увлекается песнями Окуджавы (меня остановила непривычная фамилия), но этого делать не надо, потому что... Дальше следовало что-то невнятное, и я как человек, который поднатерел к этому времени в эзоповом языке, понял, что именно Окуджаву-то и надо искать и слушать. И очень скоро слушал в доме собкора 'Комсомолки': шипящая пленка крутилась на том самом магнитофоне системы 'Яуза', о котором спел позже Галич. Песни Окуджавы стали настолько личными, что не пошел на его официальный концерт. До сих пор не представляю, как его можно было слушать 'на публике'.

Тощают пачки поэтического самиздата: в библиотеке поэта выходят М. Цветаева, Б. Пастернак, И. Анненский, А. Белый... Все никак не выйдет О. Мандельштам (ходят слухи, что ЦК не устраивают авторы предисловия, Л.Я. Гинзбург не годится, нужен доверенный человек), но ведь все равно же его издадут.

Почти на час опоздал на заседание кафедры: топтался у книжно-газетного киоска гостиницы 'Москва', куда обязательно должны были привезти несколько экземпляров журнала с 'Мастером и Маргаритой'.

Театр на Таганке. Здесь работают наши бывшие студенты, поэтому ходим на все сдачи или премьеры. Ни на что не похоже. Известное (Б. Брехт, В. Маяковский, Дж. Рид) оборачивается неожиданным и потрясающим действием. Поэтические спектакли сворачивают мозги набекрень. З. Славина, В. Смехов, В. Золотухин, В. Высоцкий, А. Демидова - не просто актеры, они наши актеры. Публика и сцена единоклюбы. Они идеологические братья. Ходит фраза Любимова, якобы брошенная Высоцкому, что-то не совсем так сыгравшему: 'Я что, мало тебя по кремлям водил?' После сдачи на обсуждении спектакля о Маяковском с замиранием слушаем уже мифических Л.Ю. Брик, В.А. Катаняна, В.Б. Шкловского и легендарного в то время Э. Неизвестного.

Поляризация. Человек, у которого в руках журнал А. Твардовского 'Новый мир', - свой. Тот, у кого кочетовский 'Октябрь', - чужой. Один из моих друзей, экономист, никак не мог опубликовать принципиальную по тем временам статью. 'Новый мир' не взял. Его уговорили отнести статью в 'Октябрь': не важно, кто опубликует, важно, что мысли дойдут до читателя. Пошел в 'Октябрь'. Решал судьбу статьи сам В. Кочетов. При встрече сказал: 'Будем публиковать'. Спросил: 'В 'Новый мир' носили? - Да. - Ну что ж, отречемся от 'Нового мира'. Он забрал статью, так нигде ее и не опубликовав.

Самообразование. Первый семинар организовали втроем. Математик И.А. Полетаев, из-за письма которого разгорелся многолетний спор о физиках и лириках, Т.Г. Галенпольский, работавший тогда, если правильно помню, в консерватории, и я, преподававший всю литературу в театральном училище. Полетаев учил нас математике, Галенпольский языкам, а я неизвестно чему, называя это эстетикой. Все вместе искали точные и объективные критерии художественности. Они были жизненно необходимы как антипод идеологическим спекуляциям. Потом еще были разные домашние семинары, на которых доминировали философия (доморощенные переводы новых французов) и математика (строгость математической логики - это вам не идеологические спекуляции).

Трѣпы. Кафе 'Под интегралом' в Академгородке. Сплошные 'физики'. 'Лириков' человек 5-6. Двое

(трудно тогда было поверить!) с английского Би-Би-Си. Тема: искусство на телевидении. Нас (я тогда работал на телевидении) упрекают в том, что нет передач о С. Дали, В. Кандинском, П. Клее... Мы развертываем свою программу воспитания вкусов. Би-Би-Си'шники с нами солидарны. Вместе сражаемся со снобами 'физиками'. Единственное, чего не понимают англичане, почему мы упрекаем оппонентов в 'снобстве', а не 'снобизме'. Мы унижаемся до объяснения жаргонных вариантов. Дома в коммуналке у одного из 'физиков'. Во всю комнату медвежья шкура. Было ли ещё что-нибудь, не помню. Возлежим на шкуре, пьем сухое вино и жестко обсуждаем сборник прозы, изданной хозяином дома. Вокруг одни проблемы: что такое классика, какой должна быть проза и вообще - что такое 'художественность'. Самый страшный приговор на любом трёпе - унижительно брошенное 'и все-то он(а) знает'.

Это было время конформизма

Опубликован 'Реализм без берегов' Р. Гароди. Но с грифом 'Для научных библиотек'.

Пишутся первые диссертации о Б. Пастернаке, И. Анненском, А. Белом, А. Платонове, И. Бабеле. А С. Бройтмана не приняли в аспирантуру из-за фамилии. Популярный анекдот этого времени. Заглядывает человек в отдел кадров. Спрашивает: 'Вы на 'ич' на работу принимаете?' - Нет, на 'ич' не принимаем. - А на 'ко'? - На 'ко' принимаем. - Коган, заходи, тебя берут'.

Очередь на выставку авангарда. Сонеты на рубашках Г. Сапгира. Сама выставка почему-то на ВДНХ, да еще и в павильоне 'Пчеловодство'.

Передвижная выставка, посвященная юбилею то ли Советской власти, то ли революции. Меня как человека из редакции литературно-драматических передач обязывают организовать и провести репортаж. Намекают, что, если я достойно это сделаю, может быть, разрешат передачу о Цветаевой, которую пробиваем уже полгода. Прихожу на выставку, камеры уже расставлены. Режиссер объясняет свой головокружительный замысел, а я судорожно думаю, что можно сказать об этих эпохальных полотнах. В соседнем доме мастерские художников. Прибегаю к ним, молю о помощи. Один оказался мягкотелым. Приходим на выставку. Спрашивает, о каких работах нужно говорить. У каждой, не останавливаясь, монотонно произносит 'говно, тяни-толкай'. Действительно, почти везде что-то тянут или толкают. Хватаясь за соломинку, тычу в какую-то работу с удалой тройкой и с надеждой почти ору: 'Ну, а о технике что можно сказать?' Останавливается, задумчиво смотрит, говорит: 'Скажи, что техника тоже говно', - и уходит. Я виртуозно провожу репортаж, попадаю на 'красную доску', где отмечены лучшие передачи недели. Цветаеву так и не пустили в эфир.

Выпускают за рубеж. Собеседования в партийных инстанциях, ходить можно только всей группой, свободного (от группы) времени не больше полутора часов. Но выпускают же!

Сам- и тамиздат. Карманные издания 'Доктора Живаго' с не нашим шрифтом. Двухязычный 'Реквием' Ахматовой, завезенный из Германии. Фотокопия 'Котлована' А. Платонова: толстая пачка скручивающейся фотобумаги, зажатая фанерным переплетом и скрепленная шпагатом. 'Москва - Петушки' Вен. Ерофеева на папиросной бумаге. Если бумага папиросная, то 'Эрика' брала гораздо больше копий, чем четыре. Подкладывай под папиросную лист обычной бумаги, чтоб не просвечивала, и читай себе на здоровье. 'В круге первом' и 'Раковый корпус' А. Солженицина на обычной желтовато-серооливчатой бумаге. Но это, в основном, книги 'уцененные': могли выгнать с работы, но не сажали. 'Технология власти' Авторханова - дело другое. Пришлось расчленивать и

уничтожить три 'Эрики', на которых ее частями распечатывали.

Вражеские голоса: 'Свобода', 'Би-Би-Си', 'Голос Америки'. Глушилки. Мы особенно ценили 'Би-Би-Си' за объективную информацию.

Дело А. Синявского и Ю. Даниеля, потом М. Галанскова и А. Гинзбурга. Письма протеста подписывались полным титулом: фамилия, имя, отчество, место работы (учебы), адрес. Сейчас это, наверное, напоминает припев песенки про зайцев: 'А нам все равно'. Тогда было по-другому.

Встретились с отцом в Москве. Не виделись долго. Идем мимо Новодевичьего кладбища. Он говорит о Чехословакии, о социализме с человеческим лицом и заканчивает вопросом, который задают друг другу все: 'Как думаешь, чем дело кончится?' Я не думаю: 'Введем танки, тем и кончится'. Это был июнь 1968 г. А в августе ввели танки. До сих пор мне кажется: не ляпни я такое, может быть, все было бы как-то иначе.

В августе 68-го только 6 человек вышли на Красную площадь. Остальные выплескивались в кухонных дискуссиях, как и после кровавых событий в Новочеркасске.

Говорили, что на юбилее 'Нового мира' уже не трезвый В.П. Некрасов грохал по столу кулаком, приговаривая: 'Я эту вашу сучью Советскую власть...'. А.Т. Твардовский успокаивал его: 'Витя, Вы не совсем правы...!'

Была надежда на "общественный договор".

Один из анекдотов. Наш турист отстал от группы в какой-то экзотической стране. Сел на веранду кафе, судорожно ждет группу. Подходит официант. '- Что Вам принести?' '- Чашку кофе и коммунистическую газету'. Официант возвращается: 'Вот Ваш кофе, а коммунистическую газету принести не могу - у нас нет коммунистической партии'. Кофе выпит, снова подходит официант. 'Вам еще что-нибудь принести?' '- Чашку кофе и коммунистическую газету'. Официант возвращается: 'Вот Ваш кофе, а коммунистическую газету принести не могу - у нас нет коммунистической партии'. Выпита вторая чашка. Опять подходит официант. 'Вам еще что-нибудь принести?' '- Чашку кофе и коммунистическую газету'. Официант не выдерживает: 'Кофе я Вам принесу, а коммунистической газеты у нас нет, потому что, повторяю...' '- А Вы повторяйте, повторяйте!'

Внутренняя убежденность: партия и Советская власть если и не вечны, то бесконечны в своем существовании. Но с ними возможен общественный договор. Так, в частности, считал Б. Слуцкий, голосуя за исключение Пастернака. Это - тактика. У нас была стратегия: вернуться к чистоте помыслов первых большевиков, к утерянным ленинским нормам. 'Уберите Ленина с денег. Он для сердца и для знамен'. Не нравится Вознесенский? Вот безупречный в помыслах и стихах Окуджава: 'Я все равно паду на той, На той единственной гражданской, И комиссары в пыльных шлемах Склонятся молча надо мной'.

Меня темпераментно зовут в партию. Аргумент один: 'Выгоним из партии всю сволочь и будем налаживать жизнь'.

Мой друг приехал в короткий отпуск из 'наладки': в закрытых городках они налаживали и запускали что-то жутко секретное и военно-космическое. Свобода слова и мысли там была почти такая же, как в лагерях. Пьем. Говорим о жизни. И вдруг слышу: 'Ты что, не понимаешь, что

фашизм и коммунизм это две стороны одного и того же?' Я ответил, что если еще хоть раз услышу такое, не только ему не налью, но и пить с ним не буду.

Наверное, мы были наивными. Но мы не были циниками.

Надо что-то среднее, да где ж его взять

(©) Игорь Фоменко

О зимнем походе 1959 г. рассказывает руководитель группы И. Фоменко
http://samlib.ru/p/piskarewa_m_1/fomenko.shtml

И.Ф.: Опрашивали и допрашивали в Твери. Мурыжили больше полугода и меня, и жену. Причина - хранение и распространение сведений, порочащих советский строй. Это статья такая была. На нормальном языке - Самиздат и Тамиздат. Ценилась статья, если правильно помню, от 3 до 7. Но рассосалось.

И.Ф.: С ребятами, к сожалению, не виделся с тех пор. Все разъехались и растерялись.

В 60-х встретились с Вовой Неговорой в Москве на концерте. Вот и все. Жалко.

Кафедру-то отстояли. Каждый год летаю на месяц в Тверь. Читаю курсы. Защитились мои аспирантки, летал на защиту. Написал штук 20 статей.

В Нью-Йорке живу уже 6 лет. И город этот мне нравится все больше. Все больше нравятся американцы, ландшафты Америки. Потрясающе красивая страна.

Игорь Фоменко. Зимний поход, Северный Урал. 1959 г.